

Смерть как проблема правового и философского характера: убийство, эвтаназия, смертная казнь

Право на жизнь принято определять как основополагающее, общеобязательное, высшее естественное право человека, гарантирующее каждому индивиду физическую неприкосновенность и безопасность. Впрочем, в действительности, реализация данного права состоит из двух взаимосвязанных условий. Во-первых, сам индивид реализует это право самым фактом своего физического существования. Во-вторых, все прочие индивиды способствуют реализации этого права, не совершая насильственных действий по отношению к правообладателю. Причем сложно однозначно утверждать, какое из данных условий играет большую роль в реализации данного права. Данная статья будет посвящена второму аспекту реализации права на жизнь, который, как мы полагаем, заключается в деятельности государства, общества, отдельных индивидов, способных как содействовать, так и препятствовать правообладателю осуществлять распоряжение данным правом.

Поскольку в действующем российском законодательстве право на жизнь понимается как право на безопасность физического существования индивида, под «препятствиями» мы будем понимать те действия государства, общества и отдельных индивидов, которые могут привести к смерти человека. В частности, мы намерены рассмотреть следующие темы: убийство, смертная казнь и эвтаназия. Это – наиболее актуальные современные проблемы, которые охватывают значительную часть всех правонарушений против человеческой жизни. Пожалуй, их анализа будет достаточно для того, чтобы увидеть всю сложность юридического регулирования права на жизнь, выделить кардинальные различия между позитивной и естественной концепцией права, а также попробовать взглянуть на человека как на существо, подверженное смерти.

Очевидно, что проблема жизни и смерти выходит за рамки философии права, но в данном исследовании мы намерены коснуться лишь ее этического и правового обеспечения. Рассмотрим обозначенные феномены применительно к философско-правовым концепциям и этическому содержанию прав человека.

1. Убийство.

Вне всякого сомнения, убийство одного человека другим является одним из самых противоправных деяний, которое должно караться в соответствии с законом. Казалось бы, всё предельно очевидно. Но возможны ситуации, когда право на жизнь может быть ограничено, причем не только государством (о чем речь пойдет ниже), но и другими людьми. Прежде всего, речь идет о ситуации, когда возникает необходимость самозащиты и предотвращения общественной опасности. Позитивное право многих стран однозначно ответ утверждает – если последствия, которые удалось предотвратить, принесли бы больший вред, чем наступившие, то *противоправные* действия человека должны быть признаны *законными*. Юридическая наука называет ряд обстоятельств, исключающих противоправное деяние. Это необходимая оборона, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, исполнение приказа или распоряжения, а также крайняя необходимость. Реальное функционирование этих оправдывающих обстоятельств – отдельная тема, и мы не намерены её касаться. Для решения нашей задачи следует обратиться к понятию *крайняя необходимость*: «Нормы о крайней необходимости применяются при столкновении *двух правоохраняемых интересов* или *двух обязанностей*, одновременное существование которых невозможно» [Кашанина Т.В., Кашанин А.В. Основы российского права. М., 2002. С. 594]; при этом важно понимать, что крайняя необходимость существует только при наличии опасности «которая угрожает причинить вред уже в следующий момент». Если данные условия существуют, то убийство одного человека, в случае, если было спасено сто жизней, допустимо. Убийство сотни людей возможно во имя спасения десяти тысяч и так далее

Таким образом, человек, который представляет серьезную общественную опасность своими действиями или бездействием с юридической точки зрения может быть легитимно подвергнут убийству, даже если при этом он не желал (и не предполагал) наступления какого-либо вреда. В данном случае можно утверждать, что *закон фактически допускает убийство невиновного*. Мы сталкиваемся с феноменом вынесения приговора и применения наказания *до* совершения возможного преступления. С этических и религиозных позиций это кажется совершенно безнравственным и несправедливым. С юридических — вполне допустимым.

Но если юридическая наука исходит в своей деятельности из рациональных принципов, то философия права ориентируется прежде всего на принцип справедливости. Так, русский философ права Ильин И.А. полагает, что человек может (то есть имеет право) совершить преступление, но лишь в том случае, если оно не будет являться правонарушением. С юридической точки зрения, эта мысль абсурдна — так как каждое преступление является противоправным деянием, оно в любом случае нарушает чьи-то права. Но Ильин говорит о другом. Преступление против *несправедливого* позитивного права для него — вполне допустимо в том случае, если целью этого преступления будет установление Справедливости: «Оно [правосознание] осознает, что, нарушая «право», осуществляет Право и что судить и присудить его носителя можно только или вследствие неверной организации уголовного суда или в виде неправовой расправы» [Ильин И.А. О сущности правосознания М., 1993. С. 80]. Право в данном контексте является воплощением идеала равенства, справедливости и порядка. Правосознание в таком случае — это комплексное сочетание человеческого сознания, мышления, чувств, души и воли, направленное на достижение идеалов законности и справедливости, это не просто понимание человеком своих прав и обязанностей, но их признание, соблюдение, а также их критическая оценка.

В теории права справедливость предстает перед нами как критерий соответствия должного и реального, причем под категорией должного подразумевается, прежде всего, установленные позитивным правом законы. Иными словами, справедливым может быть лишь то, что соответствует действующему законодательству, и о справедливости мы можем говорить только в рамках действующего права. Данной точки зрения придерживается, в частности, Нерсисянц В.С. В «Философии права» он пишет: «... справедливость — категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и так далее). Более того, только право и справедливо» [Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 28].

С нашей точки зрения, приведенная позиция не совсем верна. Вне всякого сомнения, связь права и справедливости очень тесна. Но если задуматься, то справедливость является высшей неоспоримой ценностью права. Действительно, «многие ценности права преходящи. Таковы равенство, национальный интерес, классовый интерес, прогресс, верность сложившимся обычаям, права личности» [Мартышин. О В. Справедливость и право // Право и политика. № 12, 2000]. Но идея справедливости как таковая не только является идеалом, при этом она выходит за рамки права. Так, можно говорить о справедливости с моральных и нравственных позиций, осуждая или одобряя поступок, который не подлежит правовой оценке. Для философии права справедливость — это соответствие действующего законодательства, существующего социального порядка и определенных нравственных представлений о добродетели, чести и равенстве. Следовательно, в какой-то мере, философия оставляет за собой право критически относиться к действующему законодательству, полагаясь при этом на принцип всеобщей справедливости.

Но это отнюдь не означает, что в своей деятельности человек может пренебрегать существующим позитивным правом. Мы уверены, что всякое нарушение действующего законодательства если и возможно, то только в ситуации действительной необходимости, и только в случае, если это правонарушение действительно необходимо и оправдано. В любом случае, убийство человека кажется нам совершенно неприемлимым деянием вне

зависимости от возникшей ситуации и возможных её последствий. Какими бы мотивами мы не руководствовались, необходимо осознавать, что всякое убийство является необратимым и противоестественным. Мы глубоко убеждены, что ни один человек (а также государство) не может совершить убийство, пусть даже в ситуации, когда это действие является крайне необходимым, соответствует принципу справедливости и основывается на здоровом правосознании.

2. Смертная казнь.

Прежде всего, отметим, что под смертной казнью мы будем понимать высшую меру наказания, лишение человека жизни в соответствии с приговором суда. Итак, это еще одна форма ограничения права на жизнь, применяемая государством в отношении преступников, а также людей, представляющих опасность для государственного строя. Но если попытаться глубже разобраться в сущности этого явления, то может возникнуть вопрос: «Если смертная казнь была произведена с соблюдением всех формальных процедур, после вынесения справедливого приговора суда, в полном соответствии с действующим законодательством, перестает ли она по сути своей быть убийством?». Мы полагаем, что нет. Любая смертная казнь, независимо от обстоятельств и целей её применения, в сущности своей является физическим насилием, уничтожением человека, то есть – убийством.

Для того чтобы понять, насколько оправдано применение смертной казни в современном обществе, необходимо обратиться к истории данной проблемы, понять цели, которые преследовались властью при применении данной меры наказания.

Смертная казнь фактически возникает с появлением первых государств. До этого регулирование отношений между людьми производилось при помощи обычного права, и наказания, как правило, не являлись насильственными. Это следует объяснять феноменом коллективной ответственности рода, а также практикой «возмещения ущерба». Важно отметить, что даже неоднократные нарушения табу и самые жестокие преступления карались не физической расправой, а изгнанием. Некоторые историки полагают, что это было тождественно смертной казни, поскольку человек не мог выжить вне своего рода и племени, но мы думаем иначе. Скорее, данная форма наказания применялась к человеку, который не мог соблюдать установленные законы и обычаи, как бы «освобождая» его от необходимости исполнять данные нормы поведения.

Таким образом, мы сталкиваемся с индивидуальным выбором человека, который обуславливает его личную ответственность: «То, что... человек сам должен дать согласие на наказание, совершенно правильно, однако преступник дает это согласие уже своим деянием» [Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 147].

Государство стремится приобрести монопольное право наказывать, для чего ослабляет и пытается уничтожить, либо контролировать альтернативные формы власти (в частности, патриархальную власть). Обычное право теряет свои позиции, и на смену ему приходит «рукотворное», то есть позитивное право. На долгое время смертная казнь, как правило, публичная и сопряженная с пытками осужденного становится олицетворением власти монарха. Отмена публичных казней и пыток начинает активно обсуждаться лишь в XVIII веке, и с этого момента можно говорить о движении в сторону сокращения применения смертной казни, сужении круга преступлений, которые могут караться высшей мерой наказания.

Но попытаемся объяснить причину столь сильной распространенности смертной казни и её высокой популярности в предыдущие столетия. Обратимся для этого к работе М. Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», в которой автор, обращаясь к телесной стороне данной меры наказания, проводит комплексное исследование и выделяет ряд её особенностей. Так, можно выделить три цели применения *публичной* смертной казни:

1) *Демонстрация власти*. Действительно, ничто не может так явно и ясно продемонстрировать всю полноту власти государя, как право даровать и забирать жизнь своих подданных. Поскольку всякое преступление посягает на волю монарха (то есть на установленный им закон), можно говорить не столько о «возмещении ущерба», сколько о

мести суверена за подобное оскорбление. Фуко дополняет данный тезис: «Государь присутствует в казни не только как власть, мстящая за нарушение закона, но и как власть, способная приостановить и закон, и мщение» [Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 79].

2) *Устрашение*. Не заостряя внимание на психологических методах осуществления данной цели, можно сказать, что она выполняет две задачи: во-первых, она включает в себе превентивную функцию, то есть воздействие на поведение человека с целью профилактики правонарушения. Во-вторых, устрашение человека, сопряженное с демонстрацией власти монарха, должно привести к легитимизации данной власти, пусть даже с позиций силы и страха. Иными словами, власть воздействует на сознание человека, закрепляя в нем мысль о бессмысленности и невозможности какого-либо противодействия суверену и установленному им праву. Воздействие на разум – это цель четко регламентированного, почти театрального действия, сопровождающее процесс казни.

3) *Наказание преступника*. И, наконец, только в качестве последней цели мы можем выделить само наказание за совершенное преступление. Впрочем, можно говорить о том, что широко практиковалось ужесточение наказания по сравнению с преступлением. Так, по Фуко, кара «не должна расцениваться как возмещение ущерба и даже соизмеряться с ущербом; в наказании всегда должна присутствовать доля, принадлежащая государю, и даже в соединении с предусмотренным возмещением ущерба она является наиболее важным элементом уголовно-правовой ликвидации преступления» [Там же. С. 72].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что суть публичной смертной казни, весь ее церемониал заключается в осуществлении воли монарха, демонстрации силы и власти суверена. Следовательно, о сохранении публичности данной меры наказания можно говорить только в условиях монархической формы правления. Более того, публичная казнь может применяться только в условиях сильной абсолютистской власти, поскольку она включает в себе определенную общественную опасность: «...публичная казнь опасна, поскольку в ней обретают опору, противостоя друг другу, насилие короля и насилие народа. Власть суверена словно не замечает в этом соперничестве в жестокости вызов, который сама же бросает и который однажды может быть принят» [Там же. С. 106].

Поэтапная отмена публичной смертной казни нашла свое отражение как в юридической науке, так и в практике преступлений. Примерно с середины XVIII века в Европе меняется тип преступника, его цели и средства. Физическое насилие, столь свойственное преступлениям в средние века становится всё менее и менее распространенным, а на первый план выходят экономические преступления. Практика применения смертных казней начинает соответствовать тому, что Фуко называет «экономией власти наказывать» – она становится более упорядоченной, организованной, детализированной, снижается себестоимость наказания. Меняются и функции смертной казни, а монарх исключается из механизма осуществления наказаний. Мы можем выделить четыре функции тайной смертной казни: *функция наказания; превентивная функция; функция мести; санитарная функция*.

Эффективность превентивной задачи смертной казни всегда вызывала определенные сомнения. Так, Беккариа писал: «цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же. Поэтому следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей, и были бы наименее мучительными для тела преступника» [Беккариа. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 29]. И далее: «Не суровость, а продолжительность наказания производит наибольшее впечатление на душу человека» [Там же. С. 47]. Мы видим, что смертная казнь не подходит под приведенные требования. Она не оставляет осужденному шанса, осознав преступление, попытаться загладить свою вину, исправить последствия своего деяния. Но она также не оказывает должного действия на других людей: сколь бы суровым не была кара, если человек видит

возможность её избежать – велика вероятность того, что он решится на преступление. Только тогда, когда в сознании человека укрепится мысль о неразрывной, неизбежной связи между преступлением и наказанием, можно будет говорить о том, что превентивная функция действительно работает. Монтескье писал: «Вникните в причины всякой распушенности, и вы увидите, что она проистекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний» [Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999]. Но для эффективного действия превентивной функции необходима четко и безошибочно работающая система процессуального права, существование которой в данный момент представляется нам невозможным и иллюзорным.

Что касается функции мести, то речь идет не о справедливом возмездии, которое должно настигнуть преступника, а о желании отдельных людей и всего общества «расквитаться» с преступником. Отчасти такая опосредованная форма «отмщения», осуществляемая через уголовное правосудие, связана с принципами кровной мести, субъективными представлениями о «справедливом наказании» и так далее. Смертная казнь полностью удовлетворяет подобным желаниям и представлениям. Именно поэтому во всем мире находится немало сторонников высшей меры наказания, которые полагают, что её применение может избавить общество от «нелюдей» и служит оптимальной мерой социального воздействия.

Именно с этими представлениями связана санитарная функция смертной казни. По мнению сторонников данной точки зрения, физическое уничтожение преступника в некоторых случаях может быть единственным возможным методом социального воздействия. Таким образом, смертная казнь выполняет оздоровительную функцию в обществе, способствуя его усовершенствованию и развитию.

Мы полагаем, что применение смертной казни является нецелесообразным и невозможным из-за нескольких причин. Во-первых, ввиду её необратимости. Как показывает практика, нередко судебные вердикты являются ошибочными и несправедливыми. В случае, когда приговором суда была установлена и приведена в исполнение высшая мера наказания, мы сталкиваемся действительно с фатальной и неисправимой ошибкой. Так, за последние 20 лет более ста человек, приговоренных в США к смертной казни были оправданы и освобождены; более двадцати – казнены «без достаточных на то оснований». Во-вторых, как это было показано выше, смертная казнь не является превентивной мерой и не выполняет воспитательную функцию. Напротив, она оказывает развращающее действие на нравы людей и является резко противоречивой в моральном аспекте. В-третьих, если исходить из трактовки права на жизнь, приведенной нами в первой части данной работы, то смертная казнь, как и всякое убийство, является противоправным деянием, и государство не может и не должно нарушать принципы, заложенные в естественных правах человека и закрепленные во Всеобщей декларации прав человека. В-четвертых, смертная казнь антигуманна и аморальна.

Проблема смертной казни, на наш взгляд, несмотря на всю свою сложность и неоднозначность, за последние два столетия значительно приблизилась к своему теоретическому решению. Прежде всего, благодаря принятию в 1989 году «Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни». Несмотря на то, что смертная казнь юридически существует в 78 государствах, аналитики отмечают общее снижения численности вынесения смертных приговоров (за исключением США и Китая). В Российской Федерации, к сожалению, данная проблема до сих пор актуальна, поскольку в нашей стране продолжает действовать мораторий на смертную казнь, введенный еще в 1996 году. Затягивание ратификации протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод уже приводит к определенной политической изоляции России, наносит ущерб международному престижу страны, поэтому, исходя хотя бы из прагматических принципов, мы полагаем, необходимо отменить смертную казнь, тем более что, как мы

постарались продемонстрировать выше, её применение не может быть оправдано никакими соображениями.

3. Эвтаназия.

Очевидно, эвтаназию следует выделять из общей части самоубийств. Поскольку под эвтаназией мы будем понимать лишение жизни тяжело, неизлечимо и/или смертельно больного пациента по его просьбе и с его согласия с целью избавления человека от душевных и физических страданий, необходимо обратиться к понятиям «просьба» и «согласие». Под первым следует понимать неоднократное волеизъявление дееспособного пациента о его желании уйти из жизни; «согласие» в данном контексте означает подтверждение пациентом действительности своих намерений непосредственно перед процедурой эвтаназии, либо осуществление им этой процедуры самостоятельно, если речь идет об «ассистируемом самоубийстве».

Таким образом, эвтаназия представляет собой симбиоз между убийством и суицидом: «Известно, что самоубийство и убийство очень часто взаимозаменяемы» [*Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 305*], причем в разных формах эвтаназии они проявляются по-разному.

Эвтаназию принято разделять на два или три типа. Второй вариант кажется нам предпочтительнее. Итак, выделяют три вида эвтаназии:

Активная эвтаназия (умерщвление пациента врачом быстрым и безболезненным способом, обычно при помощи инъекции). Нам представляется, что активная эвтаназия – убийство в полном смысле этого слова. Также как и всякое другое убийство (пусть даже совершенное по просьбе жертвы) она должна подвергаться уголовному преследованию. Если смерть больного невозможна без активного участия врача, то эвтаназия проводится не должна, даже несмотря на то, что пациент испытывает сильные боли, и шансы на выздоровление минимальны.

Пассивная эвтаназия (прекращение поддержания жизни пациента путем отключения его от систем жизнеобеспечения). Данный вид эвтаназии может применяться только в том случае, если человек фактически неспособен к продолжению своей жизни, которая поддерживается в нем искусственным путем при помощи специальных медицинских аппаратов. Вероятно, такой вид эвтаназии является допустимым, но лишь в том случае, если сам пациент осознает неизбежность смерти и не видит смысла ждать её наступления. При этом он должен быть в сознании, необходимо подтверждение его психической уравновешенности. Если человек находится в коме, бессознательном состоянии или по любой другой причине не может четко и однозначно высказать свое намерение уйти из жизни, эвтаназия применяться не может, даже по настойчивым просьбам родственников и друзей пациента. Мы также считаем, что «априорные» завещания о необходимости проведения эвтаназии в случае, если человек окажется в подобной ситуации и будет не в состоянии четко выразить отказ от оказания медицинской помощи не должны иметь никакой юридической или фактической силы.

Ассистируемое самоубийство (самовольный уход пациента из жизни под наблюдением и с помощью врача). Как правило, роль врача в этом виде эвтаназии минимальна. Он должен лишь предоставить пациенту возможность для осуществления самоубийства и лично контролировать действия больного во время выполнения данного акта. Именно эта форма эвтаназии легализована во Франции, Калифорнии и других странах. Но всё же ассистируемое самоубийство не является самоубийством в полном смысле этого слова, поскольку оно происходит при участии (или невмешательстве) врача. И сам факт допущения такого рода бездействия, на наш взгляд, означает, что легализация данной пассивной формы эвтаназии тождественна легализации самоубийства. Так, например, в Швейцарии и Германии эвтаназия, будучи запрещенной, не преследуется по той простой причине, что в этих странах существует закон, согласно которому человек не подлежит наказанию, если помог другому человеку уйти из жизни, не имея при этом собственной выгоды.

Но, выделив и рассмотрев данные виды эвтаназии, мы так и не пришли к пониманию того, в чем заключается её сущность и цель, каково её общественное значение. На первый взгляд, цель эвтаназии заключается в том, чтобы избавить человека от страданий – моральных и физических. Однако мы уверены в том, что данная цель, в принципе, может быть достигнута при помощи других средств. Так, физическая боль может быть значительно уменьшена при помощи медицинских препаратов; от душевных мук человека можно избавить благодаря моральной поддержке родственников, друзей, он может найти утешение в религии и так далее

Но с социальной точки зрения (и мы докажем это, обратившись к истории проблемы) эвтаназия может восприниматься как *оздоровительная мера*. Как бы цинично это не звучало в данном контексте, можно сказать, что, удаляя одну больную клетку, мы способствуем оздоровлению всего организма в целом. Во всяком случае, именно так мы понимаем сущность и цель эвтаназии на протяжении всей истории человечества.

Так, еще в первобытных племенах (в особенности, в тех, которые располагались в суровом климате и/или испытывали недостаток продовольствия) достаточно распространенной практикой было ритуальное самоубийство стариков или их уход в отшельничество, что также равносильно самоубийству. Неверно было бы думать, что это вызвано какими-то религиозными или духовными соображениями. Подобный «уход из жизни» был *четко регламентирован* в обычном праве, фактически являясь законом. Несомненно, это способствовало выживанию самого племени в тяжелых природных условиях. Примечательно, что переход от родовой к семейной общине, разделение труда и появление продуктовых излишков приводят к отказу от данной практики.

Еще одним подтверждением нашей гипотезы является обычай, распространенный в Спарте. В этом греческом полисе решение о жизни и смерти новорожденного принималось должностными лицами. Если ребенок оказывался слабым, физически неполноценным, больным, то его просто убивали. Стоит ли напоминать, что на протяжении нескольких веков Спарта являлась наиболее сильным и обороноспособным государством в Древней Греции?

Одной из форм эвтаназии в данном смысле можно считать практику, распространенную во время войн. Убийство тяжелораненого, не способного сражаться (но, быть может, способного выжить) воина понималось скорее как акт милосердия, нежели как убийство. Но смысл данного действия очевиден – повышение боеспособности и эффективности войска, пусть даже ценой человеческих жизней.

Эвтаназия в современном понимании появляется в эпоху Нового времени, когда с развитием медицины и возникновением возможности продления жизни человека даже при самых тяжелых заболеваниях встает вопрос о целесообразности такой жизни. Одним из первых этим вопросом занялся Фрэнсис Бэкон: «Я совершенно убежден, что долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной» [Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Сочинения. Т. 1. С. 367]. Подобных взглядов придерживался и Томас Мор, писавший: «Но если болезнь не только не поддается лечению, но доставляет постоянные мучения и терзания, то... ему [больному] надо решиться не затягивать долее своей пагубы и бедствия, а согласиться умереть» [Мор Т. Утопия. М., 1958. С. 146].

Разумно предположить, что эти предложения основаны на принципах гуманизма и милосердия. Но существует и другой подход, практиковавшийся в фашистской Германии, когда эвтаназия, не без помощи Гитлера, вдохновленного трудом Альфреда Гохе и Карла Биндинга «Возможность уничтожения жизни, недостойной жизни», предстала перед человечеством в чудовищной интерпретации. Более 100 000 «недостойных жизней» были подвергнуты «эвтаназии» в 1939-1941 годах в Германии и на оккупированных территориях.

Проблема легализации эвтаназии является очень сложной не только в юридическом, но и в этическом аспекте. С одной стороны, нельзя отрицать фактическую возможность осуществления эвтаназии в той или иной форме во всех странах, даже в тех, где она законодательно запрещена. Возникает вопрос о гуманности позитивного права, поскольку именно принципами гуманизма сторонники эвтаназии аргументируют необходимость ее легализации. В данном случае мы можем говорить о том, что существует необходимость правового закрепления устоявшейся во многих странах практики. Кроме этого, возможность распоряжения жизнью вполне может считаться одним из правомочий права на жизнь, и с этих позиций эвтаназия никоим образом не противоречит естественным правам человека.

С другой стороны, очевидны негативные последствия, которые с неизбежностью возникнут при официальном разрешении эвтаназии – это и возможные злоупотребления врачей, и отказ от поисков новых методов лечения, и умаление достоинства профессии врача, извращение представлений о его профессиональном долге. Иными словами, легализация эвтаназии вполне может привести к морально-нравственной деградации общества.

Мы склонны полагать, что неизбежное увеличение количества прецедентов эвтаназии ставит вопрос о необходимости четкого правового регулирования данной проблемы, прежде всего – на мировом уровне. Вероятно, эвтаназия приобрела столь широкий общественный резонанс именно из-за ситуации возникшего правового плюрализма. Но нам остается лишь констатировать, что «проблема эвтаназии... не является решенной ни в собственно медицинском, ни в этическом, ни в правовом значении» [Мохов А.А., Мохова И.Н. Ещё раз к вопросу о врачебной ошибке как медицинском и социально-правовом феномене // Юрист. № 2, 2004. С. 55]. Прежде всего, нам видится необходимым создание единого, четко регламентированного подхода к проблеме. Пожалуй, такую форму эвтаназии как «ассистируемое самоубийство» всё же следует легализовать – то есть закрепить уже устоявшуюся во многих странах практику и *четко регламентировать* необходимые требования для осуществления процедуры эвтаназии. Что касается активной и пассивной эвтаназии, то от их легализации, несмотря на все вышеприведенные аргументы, следует отказаться по этическим и моральным и практическим соображениям.

Таким образом, мы можем утверждать, что только сам человек, обладающий правом на жизнь, может принимать решение о распоряжении данным правом, и ни кто другой не вправе участвовать в его реализации. Ни государство, ни общество, ни отдельные люди не могут и не должны препятствовать правообладателю осуществлять свою деятельность в соответствии с собственными целями, принципами и идеалами. Соответственно, выделяя две стороны реализации права на жизнь и права на смерть, мы глубоко убеждены, что распоряжение данными правами может осуществляться исключительно в одностороннем порядке.

Вероятно, именно первому аспекту реализации права на жизнь, а именно вопросам о моменте возникновения данного права, пределах возможной его реализации правообладателем и проблеме самой трактовки права на жизнь с философско-правовой точки зрения и будет посвящена наша следующая статья.